

The image is a vertical composition with a blue color palette. The top half shows a starry night sky with the Andromeda galaxy. In the center, a woman's eyes are superimposed over the sky. The bottom half is split into two scenes: on the left, a woman in a dark dress sits in a garden with trees and a stone monument; on the right, a classical building with a balcony is shown.

Фриц Бремер
ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

Фриц Бремер

Туманность Андромеды

«Отто Райхль»

1920

Бремер Ф.

Туманность Андромеды / Ф. Бремер — «Отто Райхль», 1920

«Туманность Андромеды» (1920 г.) – научно-фантастический и философский роман немецкого писателя Фрица Бремера, имевший после своего выхода кратковременный, но шумный успех. Один из предположительных источников одноименного романа Ивана Ефремова. Посвящен исследованию экстремальных возможностей человека, духовных и физических, а также попытке предсказать вероятный путь развития земного человечества в целом. Герой романа совершает путешествие сквозь пространство и время и попадает в общество будущего, организованное на безупречных рациональных началах. Встреча с человеческими существами высшего порядка вызывает у него восхищение, но в итоге серьезно разочаровывает и приводит к жизненной и любовной трагедии.

Содержание

Таинственное завещание одного землянина	6
Завещание голого святого	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Фриц Бремер
Туманность Андромеды

© Магтиас Дрегер,
Издательство «Райхль», 2014

* * *

Таинственное завещание одного землянина

Правда, писать историю, исходя из идеи о том, каким должен быть обычный ход вещей, если бы он совершался сообразно некоторым разумным целям, представляется странным и нелепым намерением; кажется, что с такой целью можно создать только роман. Если, однако, мы вправе допустить, что природа даже в проявлениях человеческой свободы действует не без плана и конечной цели, то эта идея могла бы стать весьма полезной; и хотя мы теперь слишком близоруки для того, чтобы проникнуть взором в тайный механизм ее устройства, но, руководствуясь этой идеей, мы могли бы беспорядочный агрегат человеческих поступков, по крайней мере в целом, представить как систему.

Кант. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане

Одному капитану, который несколько лет бороздил воды Вест-Индии, довелось повстречать в Венесуэле некоего человека, чьи похождения представлялись поистине удивительными и неслыханными, да и сама его личность далеко выходила за рамки обыкновенного.

Благодаря случайному стечению обстоятельств капитан сделался обладателем чрезвычайно любопытных посмертных записок этого своего знакомого и тем самым сумел разгадать таинственную загадку, о которой мы поведаем ниже.

Неоднократно бывая в гавани венесуэльского Пуэрто-Кабельо, капитан однажды подумал, что хорошо бы ему предпринять путешествие в предгорье, где берет начало река, устье которой образует названную гавань. Долина, где она протекает, славится своей дикой романтической красотой и плодородием.

Правда, земли эти были в то время охвачены разного рода революционными войнами, и всего в нескольких милях от порта, в местечке Сан-Фелипе, за несколько дней до того разразилась битва, однако в прибрежной местности все было спокойно.

Коли так, не стоило терять времени даром, дожидаясь, пока бои докатятся до моря и пешая прогулка в горы станет невозможной.

Дорога, ведущая туда, очень красива. Преодолев пологий подъем под палящим солнцем, путник через какой-нибудь час оказывается у входа в долину, ввиду высокогорной сторожевой башни, возведенной еще испанскими колонизаторами.

В самой долине горы по обеим сторонам дороги теснятся все плотнее. Река, которая за минуту до этого будто старчески вяло и бессильно пробиралась по песку, здесь вдруг обретает буйство и молодой задор.

Видимо наслаждаясь свободой своих движений, она перепрыгивает с одной каменной плиты на другую, в иных местах, сталкиваясь с неумолимой преградой какой-нибудь мрачно нависшей скалы, растекается на несколько рукавов, чтобы с клокочущим смехом и удвоенной брызжущей силой вновь слиться воедино позади озадаченного каменного угрюмца, затем притвориться безмятежной тихоней, покоящейся в прозрачной голубой заводи, и вдруг могучим потоком бурно низвергнуться в бездну, увлекая за собой мирно лежавшие камни и валуны, раздосадованные ее внезапным вторжением.

Веселые сорванцы-ручейки сбегаются к реке со всей окрестности и со звоном и бульканьем вливаются в ее торжествующее течение. Они берут свой исток в соседних долинах, где зреют драгоценные плоды какао, или в тенистых апельсиновых рощах, наполненных золотыми плодами. В речной долине, рассеченной ущельями, высятся деревья, повсюду желтеют бананы, а на возвышениях растут кокосовые пальмы.

Щедрая, изобильная земля, будто созданная для счастливой и мирной жизни. Да так бы оно и было, не населяй эту землю... люди.

Вдоль реки бежала протоптанная рыбаками и работниками плантаций тропинка, продолжение которой они же прорубили в скале. Здоровью нашего капитана, давно отвыкшего от подобных удовольствий, неторопливый подъем приносил лишь пользу.

По прошествии часа, в продолжение которого он, любуясь сменой видов, все больше углублялся в ущелье, он вдруг заметил впереди какого-то путника и решил его нагнать.

Приблизившись, капитан разглядел, что это был белый человек высокого, если не сказать гигантского роста, на редкость красиво и соразмерно сложенный. Он медленно продвигался вперед, опираясь на длинную палку. Походка его была упруга, каждый шаг приводил в движение не слишком массивные, зато на взгляд совершенно стальные мускулы.

Кроме холщовых брюк и пробкового шлема, на нем ничего не было. Лица сзади не было видно.

Встретить в этих местах белого человека за пределами города – большая редкость. Почувствовав, что за ним кто-то идет, обнаженный великан стал быстрее переставлять свои длинные жилистые ноги, и вскоре капитан потерял всякую надежду его догнать.

И все же его желание вскоре исполнилось. Далеко впереди, за гребнем горы, между ветвистыми деревьями показался силуэт всадника. Его мул, по всему судя, очень усталый, осторожно спускался по тропе. Всадник и сам держался в седле некрепко, сильно свесившись вперед.

Поравнявшись с ними, обнаженный гигант остановил мула, и капитан увидел, как он помог обессиленному всаднику спешиться.

Подойдя ближе, он лучше разглядел этого всадника, на котором были надеты штаны, заправленные в высокие коричневые сапоги, и фетровая шляпа с кокардой. Выше пояса он был жестоко изранен, весь покрыт кровью и еле держался на ногах.

Белый гигант разговаривал с ним на бытующем в этих краях испорченном испанском языке, все же довольно разборчивом благодаря многочисленным вкраплениям индейских слов.

Незнакомец оказался повстанцем и, как большинство местных жителей, – метисом, то есть потомком испанских колонизаторов и здешних горцев. Он был ранен в битве при Сан-Фелипе, отстал от своего отряда и заблудился в горах. В довершение у него во время сна украли все вещи, оружие и куртку. Теперь он хотел добраться до Пуэрто-Кабельо, однако силы его были настолько истощены, что отпустить его одного было никак нельзя.

Белый наметанным глазом осмотрел раны метиса, тяжело стонавшего от боли. При этом обнаружилось, что у него прострелена грудная клетка и задеты легкие, о чем свидетельствовал бывший его кровавый кашель.

Необходимо было срочно перевязать раны, уже начавшие привлекать насекомых. Поскольку перевязочного материала под рукой, конечно же, не было, капитан поспешно стянул с себя льняную сорочку, разорвал ее на длинные ленты с помощью своего белого спутника, после чего тот с завидной ловкостью сделал перевязку. За все время никто из троих не проронил ни единого слова.

Когда бинты были наложены, раненый без сил опустился на землю, однако глоток рома из фляжки капитана все же привел его в чувство, и он, с помощью двух других, снова смог взобраться в седло.

Белый путник обратился к капитану и приятным низким голосом спросил его на чистом испанском, не поможет ли тот доставить раненого в его жилище, расположенное неподалеку. Согласие последовало незамедлительно.

Итак, они снова тронулись в путь, с обеих сторон поддерживая в седле обессиленного беднягу-повстанца.

Теперь капитан мог не торопясь разглядеть доброго самаритянина, поскольку тот все время заботливо оборачивался к раненому, чтобы проверить его состояние. Вероятнее всего, это был выходец из Скандинавии, о чем свидетельствовало его узкое безбородое лицо с четко прорисованными чертами. Волевой подбородок и нос, крупные здоровые зубы – в этом лице все было на редкость соразмерно. Когда же он снял свой пробковый шлем, обнаружилось, что его густые светлые волосы уже сильно поседели.

Но самым замечательным в его лице были большие и бездонные голубые глаза, которые с почти пугающим вниманием оглядывали все вокруг.

Возраст незнакомца определить было затруднительно. С равной вероятностью это мог быть рано поседевший тридцатилетний мужчина или моложавый человек лет пятидесяти. Капитан попытался вызвать его на разговор, но все его старания словно уходили в песок. Великан отвечал весьма учтиво, но настолько односложно, что продолжать было бесполезно.

Утомительный путь, ведущий вдоль реки, длился не более получаса.

В одном месте река образовала тихий разлив, со всех сторон окруженный лесом. Посреди водной глади возвышался каменистый островок, на высоком берегу которого стоял, наполовину выступая из скалы, небольшой каменный дом.

От карниза к двум столбам, обрамляющим вход, было натянуто парусиновое полотнище, прикрывавшее от солнца дверь и единственные два окна в стене.

Под этим тентом располагались каменный стол и плетеное кресло, какие делают в тропических странах.

Недалеко от дома, от которого открывался вид на речную заводь и на водопад, образуемый рекой чуть ниже по течению, была симметрично разбита небольшая, но густая апельсиновая рощица, окруженная невысоким свежесрубленным забором. По обеим сторонам от его запертой калитки росли два высоких кипариса. От всей усадьбы вкупе с окрестностью исходил дух серьезности и даже некоторой торжественности.

Обнаженный незнакомец завел мула под тент и привязал к одному из столбов. Потом они вместе с капитаном бережно сняли с седла раненого повстанца, состояние которого внушало все больше опасений, и усадили его в плетеное кресло.

На столе стояла посуда с остатками завтрака, рядом лежала раскрытая книга.

Хозяин этого небольшого имения безмолвным жестом пригласил гостя сесть, указав на вынесенный из дома стул. Затем он снова удалился на несколько минут. Воспользовавшись его отсутствием, капитан придвинул к себе лежавшую на столе книгу, и каково же было его удивление, когда он увидел перед собой «Поэзию и правду» Гете, притом на языке оригинала!

Чуть погодя они перенесли раненого в дом, имевший единственную комнату, стены которой, к неменьшему удивлению капитана, были сплошь уставлены книжными полками.

Они уложили страдальца на большую железную кровать, mosquitoный полог которой был предусмотрительно откинут. Хозяин дома принес воды, наполнил стакан, выжал туда несколько капель лимона, добавил сахару и протянул раненому. Тот жадно ее выпил и без сил откинулся на подушки.

Великан склонился над больным, приложил ухо к его груди, потом осторожно повернул его на бок и, послушав дыхание со спины, снова вернул на спину. Затем распрямылся и, пожав плечами, тихо проговорил по-испански: «Дело идет к концу».

Капитан предложил вызвать больному врача из Пуэрто-Кабельо. В ответ великан презрительно махнул рукой: «Они там все коновалы». Когда же капитан объявил, что командует большим военным кораблем, на борту которого имеется свой врач, тот предложил еще час понаблюдать за ходом болезни: быть может, помощь врача уже не понадобится, тем более что дорога туда и обратно займет не менее пяти часов. Пока же следует обеспечить раненому, а вернее, уже умирающему человеку возможный покой. Он высказал все это столь уверенным тоном, словно оказывать помощь в подобных случаях было для него привычным делом.

Они вышли на двор, чтобы переждать за каменным столом условленный час.

Хозяин на минуту удалился в дом и вернулся в белом костюме, неся вино, белый хлеб и фрукты. Все это он дружеским жестом, хотя снова безмолвно, предложил гостю, сам же уселся рядом и устремил неподвижный взгляд вдаль.

Гость сначала не нарушал молчания, но под конец все же поддался острому искушению разузнать побольше о своем странном гостеприимце. Он подвинул к себе раскрытую книгу и произнес на языке Гете: «Редкая птица в этих горах!»

Хозяин отвечал также по-немецки: «Возможно, и так. Птица-то певчая. Здешние не поют». Капитан решил не отступать от своего намерения, но на сей раз не стал докучать хозяину вопросами, а завел речь издали – о Гете, осторожно и тщательно выбирая слова.

Против этой темы у хозяина, как видно, не нашлось возражений, и он отвечал кратко и точно, выдавая свое прекрасное образование.

Вскоре они углубились в литературную беседу, сопровождаемую лишь шумом водопада.

Между прочим капитан выразил удивление большим количеством книг, находящихся в доме. Хозяин отвечал, что в большинстве своем эти книги посвящены естественным наукам и астрономии. Вообще говоря, он еще на родине изучал медицину и даже выдержал государственный экзамен, однако врачом работал совсем недолго. Из дальнейшего разговора выяснилось, что он учился также естественным наукам и философии, однако об остальных обстоятельствах своей жизни он не проронил ни слова.

Их разговор то и дело прерывался стоном и кашлем бедняги, невольно ставшего причиной этого литературного собеседования. Хозяин несколько раз вставал из-за стола, чтобы подойти к больному, и выразил сожаление, что не имеет морфия для облегчения страдальцу предсмертных минут. Таких редких лекарств здесь не достанешь, посетовал он.

Действительно, им пришлось ждать совсем немного, пока мучения несчастного навсегда прекратились. Оба они стали свидетелями его последних мгновений, и, закрывая ему глаза, хозяин произнес несколько строгих и сочувственных слов о бедном заблудшем малом, отдавшем свою молодую жизнь за призрак новой свободы, которая есть не что иное, как новое рабство под гнетом разного рода телесных и душевных тиранов, которых человек в муку самому себе не устает создавать снова и снова.

Посоветовавшись, двое решили, что капитан вернется в Пуэрто-Кабелью, сообщит о случившемся властям и попросит на следующий день забрать покойного.

Поскольку, однако, тропическая жара не позволяла держать тело в доме и к тому же хозяину нужна была кровать, предстояло куда-то убрать мертвеца, чему капитан вызвался помочь.

Хозяин, недолго поразмыслив, быстро принял решение, снял висевший на стене ключ, и они вдвоем вынесли из дома тело, завернутое в простыню. Сам он пошел впереди.

У калитки в заборе, окружавшем апельсиновую рощу, он опустил печальную ношу на землю, отпер калитку ключом, и маленькая похоронная процессия двинулась дальше по узкой тропинке, спрятанной между апельсиновыми деревьями и быстро приведшей их к небольшой травянистой лужайке.

По углам этого пространства, слегка напоминавшего комнату, были посажены кипарисы, в центре, в торжественной полутьме вырисовывалась одинокая, тщательно ухоженная могила. Над ней стоял камень, на котором неумелой рукой, но весьма отчетливо было выведено: ИРИД. Рядом с *этим* или с *этой* Ирид они положили мертвое тело, как скорбного сотоварища, тщательно обернув его простыней в защиту от насекомых, и в молчании пошли прочь.

Около дома они пожали друг другу руки, и хозяин, едва заметно смущаясь, проговорил ровным голосом, почти без интонации: «Буду рад увидеть вас снова».

Личность отшельника так и приковывала капитана к себе, и причиной тому были не только удивительные обстоятельства его жизни. Никогда прежде капитану не доводилось

встречать человека, обладавшего, при крайней замкнутости, столь неодолимой притягательностью. Он излучал внутреннюю силу, какой обладают основатели новых религий или святые.

По сказанной причине на обратном пути к гавани голова капитана была целиком занята мыслями об этом странном одиночке, между тем как столь важное и необычайное событие, как смерть революционера, была почти совсем забыта.

Добравшись до Пуэрто-Кабельо, капитан сейчас же уведомил о случившемся консула, и тот отдал необходимые распоряжения.

Описанные обстоятельства позволили капитану кое-что разузнать о странном отшельнике. Вот что ему рассказали.

Он уже много лет живет на высоте полным затворником, имея славу нелюдима, а впрочем, человека доброго и всегда готового на помощь.

У себя на родине он, очевидно, был врачом, да и сейчас практикует в горах в качестве такового. Лицензии на эту деятельность он никогда не добивался, да и едва ли мог бы ее получить из-за противодействия здешних венесуэльских врачей, справедливо опасующихся конкуренции с его стороны.

Власти мирятся с ним, не поднимая шума, главным образом из-за местного населения, которое возлагает на него великие надежды и почитает чуть ли не как святого, хотя, насколько известно консулу, он ни разу не был замечен в знахарстве или шарлатанстве, но, напротив, всегда действует в высшей степени здраво.

Вместе с тем, он пользуется своей весьма сильно развитой способностью внушения и, как говорят, не раз с ее помощью добивался совершенно удивительного и необъяснимого успеха. Из тех, кто имеет с ним дело, никто, включая самого консула, не может избежать внушающего воздействия, которое этот человек оказывает, причем сам того не желая и без всякого злого умысла со своей стороны.

Говорят, что, оставаясь в одиночестве, он любит расхаживать почти совсем голым. Потребности его крайне скромны. Покупает он в основном продукты, поставляемые ему местными жителями, которых он не только лечит, но и помогает им житейскими советами.

В своем жилище он регулярно проводит занятия с учениками, быть может, несколько необычные, зато весьма полезные. Сверх того он помогает окрестным жителям составлять нужные документы, как например: официальные заявления, налоговые отчеты, жалобы и тому подобное. Различного рода тяжбы жители выносят на его суд и приговоры его безропотно исполняют.

Вся эта деятельность носит у него столь трезвый, разумный и мирный характер, что по части управления их округ считается самым спокойным во всей провинции. Все прежде смеявшиеся друг друга администрации не только предоставляли ему свободно действовать, но постоянно предлагали денежную помощь, каковую он принимал только в виде книг, которые чиновники администрации доставали для него с помощью консула.

Всякие иные сношения с чиновничеством, с консулом, да и вообще с европейцами, или просто с образованными людьми он отвергал категорически, что граничило с оскорблением. Исключение составляли случаи, когда кто-то из этих людей нуждался во врачебной помощи, которую он всегда оказывал безвозмездно.

Одних подобных рассказов было уже достаточно, чтобы подогреть давно зародившийся интерес капитана к этому странному человеку по имени, как он узнал, Маркус Геандер, между тем как местные жители между собой охотнее звали его Сан-Марко или *Santo Desnudo*, т. е. *Голый Святой*. Такое прозвание, по-видимому, сильно раздражало Маркуса, поскольку он не раз заявлял о себе как о человеке, далеком от церкви и убежденном атеисте. При этом, однако, в общении с местными жителями он всегда давал им примирительные советы по разным церковным вопросам. Но куда больше, чем эти общеизвестные подробности, людей поражала – бук-

важно до умопомрачения – глубокая и неразгаданная тайна происхождения нашего отшельника.

Вот что удалось узнать об этом капитану.

Как-то раз на восходе солнца рыбаки с прибрежных гор, где он живет и теперь, нашли полузатонувшее бездыханное тело никому тогда не известного человека на речных камнях.

В своих объятьях человек сжимал столь же бездыханное и, как и он, обнаженное тело молодой девушки, красота которой, по уверениям нашедших, превосходила всякое воображение. Русая коса девушки плотно обвивала шею мужчины. Оба утопленника были еще живы. Почувствовав рядом людей, мужчина открыл глаза, на несколько секунд пришел в сознание и тут же снова забылся.

Молодая женщина умерла, даже не очнувшись, и рыбаки похоронили ее еще прежде, чем мужчина пришел в себя.

Когда этот человек, проведя несколько месяцев в хижине одной рыбацкой семьи, наконец оправился от тяжелых душевных ран, он выразил желание поселиться на берегу, где был найден вместе со своей подругой. Окрестные рыбаки и крестьяне с плантациями, с которыми он сблизился за время своего долгого выздоровления, помогли ему построить небольшой дом, в котором он и живет по сей день.

Достоверность этого рассказа, безусловно, весьма необычного, подтверждается многими свидетельствами. Рыбацкая семья, принявшая к себе незнакомца, а точнее, ее молодое поколение, живет все там же. Это рассудительные и здравомыслящие люди, словам которых вполне можно доверять. Да и многие соседи в один голос подтверждают сказанное.

Оставалось лишь одно непроясненное и таинственное обстоятельство: каким образом этот необыкновенный человек, да еще вместе с девушкой, оказался в этой глухой горной местности, где прежде их никто не видел?

Даже если предположить, что коса, обвитая вокруг шеи мужчины, говорила о намерении совершить совместное самоубийство, все же тот факт, что на обоих не было ни следа одежды и даже колец на пальцах, лишь углублял тайну. Предположить, что они были ограблены местными индейцами, славящимися своей честностью, было никак невозможно.

Сам же чужак, о существовании которого власти узнали, лишь когда он окончательно прижился в местной общине, в ответ на настойчивые расспросы повторял только собственное имя и ничего другого о себе не сообщил ни одному человеку.

Вообще же он как-то обмолвился, что не признает официальных законов, хотя в точности их исполняет: источником закона он считает лишь самого себя и не согласен подчиняться никакому внешнему принуждению. Он видел себя средоточием всего мира.

В Пуэрто-Кабальо считалось, что он поврежден умом, хотя и в безобидной форме, что неудивительно при тех страданиях, какие он, видимо, перенес в своем загадочном прошлом. Капитан, однако, никак не мог разделить подобного мнения.

Узнав о том, что этот отшельник пригласил капитана к себе в дом, многие были поражены. В чем у этого человека не было недостатка, так это в любопытствующих, которые всячески старались войти к нему в доверие и как-нибудь выведать его тайну, однако он мгновенно разоблачал даже самые деликатные попытки сближения и твердо их отклонял, предпочитая полную независимость от людей.

Капитану, узнавшему все эти подробности, стоило некоторой борьбы поддаться собственному настойчивому желанию и откликнуться на приглашение этого чудака. Однако, подумав он, приглашение было сделано, пусть и не слишком настойчивое, но вполне свободное, он же, едва почувствует, что стал в тягость хозяину, сможет немедленно ретироваться. Итак, в один из ближайших дней он снова отправился в путь к речной долине.

Когда капитан приблизился к знакомому дому, его хозяин как раз проводил занятия с группой индейских ребятишек, числом десять или двенадцать. Не посмотрев на возражения

гостя, он сразу прервал занятия, однако сказал, что из-за стоявшей жары спуститься в долину до наступления вечера им не удастся.

Когда дети разошлись, он во второй раз сердечно поприветствовал своего гостя, но на этот раз в его поведении, обычно столь независимом, сквозило некоторое смущение. За многие годы он отвык от общения с образованными людьми, и теперь ему нужно было время, чтобы почувствовать себя уверенней.

Что же до капитана, то он счел этот день, проведенный в уединенном жилище своего собеседника, одним из самых насыщенных и захватывающих в своей жизни. Час от часу росло его уважение к этому серьезному и загадочному человеку, который во всей своей телесной красоте и крепости, а больше – благодаря какой-то сдержанной силе воздействия, все больше походил на святого, каким его описывала молва.

Беседа их вращалась исключительно вокруг искусства, литературы и науки. О первых двух областях хозяин много расспрашивал, как будто чувствовал себя в роли ученика, хотя по своим знаниям далеко превосходил средний уровень образованного европейца. Но даже там, где ощущался некоторый недостаток знаний, он выказывал безошибочную интуицию, все время стремясь отличить истину от подделки.

В научных же предметах, которые он рассматривал с высокой, философской точки зрения, он, безусловно, превосходил капитана. Гость вообще считал редкостной удачей, что ему довелось его послушать. Явления органического мира этот отшельник рассматривал лишь как материал для своих выводов о природе прошедшего и будущего времени.

Технические достижения он ставил невысоко. Величайшие достижения техники, которые он знал в совершенстве (считая их, однако, лишь первыми успехами), интересовали его, лишь поскольку они были связаны с научными открытиями. Что же касается технического использования этих приложений, он не считал их полезными для человечества. Что проку в том, говорил он, что вы теперь можете добраться из Парижа в Нью-Йорк за пять дней? Ваш конкурент может то же самое. Все это в конечном итоге ведет лишь к перенаселению, о котором он говорил с большой тревогой. И какая польза нам сидеть при искусственном свете? Кант писал свои сочинения при свете керосиновой лампы, Шекспир, Рембрандт и Сервантес и вовсе работали при лучине, а Гомер, как и сам он, вообще отправлялся спать при наступлении темноты.

Технику передачи информации, которая сделала гигантские шаги со времен образования Европы, он глубоко презирал и считал ее первейшим врагом человечества.

Помимо успехов философского и научного познания, продолжал он, есть лишь одна область, в которой наш век действительно продвинулся вперед, – медицина. Но и это только начало.

Все это он высказывал без малейшей самоуверенности, очень скромно и лишь как результат своих размышлений.

Когда же разговор перешел в область психологии, он, странным образом, поспешил сменить тему. И точно так же не стал вдаваться в вопросы космоса и астрономии, которые гостя как мореплавателя, напротив, весьма интересовали. Удивительно было то, что как раз по этим трем темам книг на полках стояло больше всего, притом подобранных весьма тщательно и с большим знанием дела.

Когда после столь плодотворного дня гость засобирался домой, хозяин объявил, что хочет проводить его до края долины, поскольку в темноте дорогу будет найти непросто.

Затем они целый час шли бок о бок под покровом сгущавшейся темноты. И хотя узкие запутанные тропинки, равно как шум водопадов и речных порогов, почти не давали им говорить, все же капитан чувствовал, что эта безмолвная прогулка после столь напряженного дня лишь усиливает взаимные флюиды симпатии между ним и его удивительным новым другом.

С тех пор во время своих плаваний по вест-индским водам капитан использовал всякую возможность остановиться в порту Пуэрто-Кабельо, чтобы навестить *голого святого*.

Эти визиты составляли лучшие часы “карибской” эпохи его жизни. Между двумя этими столь разными людьми установились отношения, которые точнее всего было бы назвать дружбой, такое удовольствие оба они получали от взаимных духовных даров, которыми обменивались.

За все это время ни один из них ни словом не обмолвился о прошлой судьбе загадочного отшельника.

И все же в час расставания, перед окончательным возвращением капитана в Европу, странный знакомец капитана в кратких и очень общих выражениях упомянул о каком-то весьма важном событии своего прошлого, которое он уже изложил на бумаге. Эти свои записи он завещал своему отбывающему другу.

С этими словами он передал капитану стопку бумаг в запечатанном пакете. Печать на сургуче была поставлена грубым, самолично вырезанным перстнем.

Передавая пакет капитану, он попросил не ломать печать, пока не поступит известие о его собственной смерти, о доставке которого своему другу он сам заблаговременно позаботится.

В дальнейшем капитан, если ему заблагорассудится, волен сделать достоянием общест-венности.

Сравнительно недавно капитан получил через третье лицо письмо от тогдашнего консула в Пуэрто-Кабельо, в котором сообщалось о кончине некоего Маркуса Геандера. Покойный проживал в их административном округе и скончался от поветрия, которое охватило тогда чуть ли не весь земной шар. В завещании содержалась просьба к консульству напечатать изве-щение о его смерти.

Теперь капитан мог опубликовать завещание своего друга, одинокого и странного чело-века, который смог проникнуть взором в тайну будущего и одним этим заслужил вечную память потомков.

Завещание голого святого

Дни мои протекают в одиночестве и безмолвии.

Но теперь, когда смерть готовится избавить меня от мук жизни, уста мои, уста человека, узревшего двойное небо – небо вечного космоса и небо вечной любви – не могут более молчать.

Итак, тихим вечером я исписываю эти листки строками, которые можно уподобить лишь тонким и слабым нитям из драгоценного клубка моего жизненного опыта.

Рассказ мой полон неслыханными событиями. Но к тем, кто усомнится в их истинности, я хочу обратить вопрос Пилата: “Что есть истина?”

Маленький жалкий человечек, ты, немощный сочлен крошечного человечества, которое обречено всего какую-нибудь сотню тысячелетий – и это в сравнении с миллионами лет, прожитыми Землей, – цепляться за этот ничтожный (а мнящий себя великим) спутник одного из солнц, коих во вселенной – как капель в океане! Ты, что меньше малого существа в микрокосмосе! Как ты смеешь судить о том, что есть истина?

Все твои знания – не более, чем догадки.

И из этих-то догадок ты строишь карточный домик своего познания. Догадки об истине, подобные размалеванной ширме, – вот то, что предстает твоим несовершенным органам восприятия. Ты видишь лишь картину, нарисованную на ширме, не более.

Поэтому – не тревожься чересчур. Созерцай эту картину. Кое-что в ней все же напоминает истину, которая навеки за нею сокрыта.

Отчетливо вспоминаю, как уже в ранней юности ощутил безотчетное уважение к воле другого человека.

Самым значительным и важным человеком в моей жизни был отец, и я твердо верил, что благодаря его воле может совершиться все что угодно. Стоило ему захотеть, и все препятствия сразу рушились. И я не раз убеждался, что по его воле был выстроен весь мир моего детства.

Мать считала меня упрямым ребенком. Теперь я знаю, что это упрямство было не чем иным, как эмбриональной формой моей собственной воли. Возьму на себя смелость посоветовать всем матерям радоваться упрямству своих сыновей. Благое Небо заботится о том, чтобы наделять этим даром лишь немногих избранных, и оберегает их от тех необычайных последствий обладания сильной волей, которые пришлось испытать мне.

Позднее, когда я уже закончил школу и увлекся изучением большого мира, я стал все лучше понимать значение волевой силы и занялся ее природой научно.

Я пошел необычным путем: меня влекли оккультизм и ксенология. Но все же я оставался на твердой почве, будучи уверен, что зримые доказательства существования сверхчувственных сил и явлений суть не что иное, как результат действия некой необычайно сильной воли, следовавшей своим намеченным путем. Поразительные вещи, рассказываемые об индийских факирах, я объяснял себе именно таким образом.

Я все лучше понимал, что во все времена и во всех сферах жизни многие самые удивительные события являются результатом действия воли либо ее ослабления.

Вся история человечества обретала под этим углом зрения некий личностный облик.

Я наблюдал народы, наделенные сильной волей, и безвольные. Видел приливы и отливы волевой силы. Я набросал схему истории человечества, как субъекта и объекта воли.

И тогда Джордано Бруно, противопоставивший силу воли схоластическим выводам сухого интеллекта, предстал мне как пылающий факел.

Джордано Бруно! Какая великая человечность рождается из блестящего синтеза разума – и духа, знания – и предчувствия, физической мысли – и гениальной интуиции! Улыбаясь, рука об руку с Леонардо да Винчи, ты шествуешь по прохладным рощам вечности. Где-то вдали догорает костер, на котором люди сожгли твое бедное тело – в первом году того века, когда

они погребли Шекспира и когда благословенные матери Рембрандта и Баха дали миру своих сыновей.

В интересах истины, однако, я должен заметить, что в своих исследованиях я интересовался не столько этическими аспектами силы воли (таковые налицо лишь у Джордано Бруно), сколько необычайными ее физическими проявлениями. И думал я совсем не о том, как бы мне употребить свои знания, чтобы повысить уровень своего собственного “я” и укрепить свои душевные силы для житейских надобностей, – нет, я на собственном примере научно исследовал те случаи, когда тренированная сила воли может совершать поразительные действия, нарушающие самые фундаментальные законы природы.

Первая попытка, которая мне удалась, сводилась к следующему. Рядом с моей тетрадью лежал карандаш. Я протянул руку с открытой ладонью и, держа ее сверху на небольшом расстоянии от карандаша, сосредоточил свой взгляд и всю свою уже натренированную волю, приказывая карандашу подняться ко мне в руку. И действительно, спустя некоторое время карандаш, вопреки закону тяготения, подлетел к моей ладони. Правда, я был этим столь ошарашен, что не смог вовремя сжать пальцы, и карандаш снова упал на стол. Но чуть позже я научился его подхватывать.

Подобные эксперименты я продолжил, все более укрепляясь в мысли о наличии великой и для нашего знания новой силы, способной преодолеть все физические ограничения. Эта сила действует посредством духовных флюидов, недоступных нашему чувственному восприятию, но человек может поставить ее себе на службу, войдя по мере сил в резонанс с колебаниями этих флюидов, сделать же это возможно с помощью некой функции нашего мозга, вызываемой путем крайнего напряжения воли. И вот это самое волевое напряжение, преобразованное в колебания, должно в известный момент совпасть с длиной волны этой новой неведомой силы. В этот момент резонанс достигнут и сила эта становится на службу человеку.

Сколько времени мне всякий раз было нужно, чтобы достигнуть подобного состояния, я сказать не могу, ибо малейшее отключение воли, как взгляд на часы, сразу разрушало эксперимент.

От этих незначительных опытов я стал понемногу переходить к более серьезным и трудным. Так, я заставлял людей без видимой причины проделывать действия, удивлявшие их самих. Одним лишь усилием воли я передвигал тяжелые предметы, как, скажем, шкафы, с места на место. Как-то раз я поднял в воздух большую собаку, и она, повизгивая от страха, парила на высоте дома.

Больше того, однажды мне удалось и самому подлететь над землей. Я лежал на лужайке в саду и смог подняться настолько, что дотронулся рукой до верхних ветвей растущей там липы. Сила тяжести больше не была для меня препятствием. Моя воля ее преодолела!

Все свои опыты и наблюдения я держал в строгой тайне, поскольку, во-первых, опасался, что распыление этого знания помешает концентрации моей воли, во-вторых, я решил лишь тогда обнародовать свое открытие, когда буду иметь в руках надежное научное доказательство, которое избавит меня от любых сомнений.

Должен признаться, что год моих тайных изысканий не сделал меня счастливее, хотя тщеславие мое строило грандиозные планы на будущее. Моя нервная система жестоко страдала от постоянного волевого перенапряжения, и, несмотря на отличное физическое сложение, я был болен, хотя не говорил об этом своим близким.

Поскольку вместе с непосильными нагрузками на нервную систему росла и моя чувственность, я нередко опускался до того, что использовал свою внутреннюю силу для завоевания женщин.

Эти победы доставляли мне мимолетное удовольствие, но и вызывали постоянное беспокойство, приводили в смущение, особенно, когда во мне бывали затронуты душевные струны.

В таких случаях я начинал испытывать отвращение к этой своей тайной силе. Моя мужская гордость заставляла ждать, пока меня полюбят без принуждения, однако само сознание, что женщин толкает ко мне в объятия лишь моя собственная воля, рождало во мне тяжелые сомнения и отравляла даже небольшие удовольствия.

И хотя сегодня я думаю, что некоторые женщины действительно меня любили, все же одна из них, Эрна Мария, вызывавшая во мне подлинную страсть, холодно меня избегала, стоило мне на несколько часов подавить в себе свою тайную волю.

Глубоко разочарованный, мучаясь физически и духовно, я улетал высоко в горы, к своему старому другу, леснику.

Сам он жил в долине, но еще выше, там, где прекращается всякая растительность, лепилась его уютная служебная сторожка, все убранство которой составляли камин и кровать. В двух шагах от ее стены брал начало маленький звенящий источник.

Однажды утром я поднялся в это убежище, где моими соседями были лишь серны, да любопытный олень порой забредал ко мне в ости.

Дни там стояли теплые и солнечные, ночи прозрачные и нежные. На третью ночь я проснулся от какого-то кошмара, в холодном поту. Чувствуя духоту, я решил перебраться на открытый воздух. Взяв матрас, подушку и одеяло, я устроился на выступе скалы, поросшем мхом, чуть выше моей хижины.

Это ложе до такой степени меня восхитило, что я не мог заснуть. Я лежал неподвижно распростершись, и перед моим умственным взором мелькали разные образы. Шум сосен где-то внизу, журчание ручейка, все мелодичные звуки горного уединения под неописуемо чистым и сверкающим звездным небом – все это действовало на меня как волшебство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.